

Ти́ра Вида́ль

МОНЯТЬ И
МРОСТИТЬ

Тира Видаль

Понять и простить

<https://litres.ru/74569004>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о дружбе, предательстве и цене выживания.

На что может пойти девушка, ради обеспеченной спокойной жизни? Что она выберет - предать любовь и остаться богатой или сохранить чувства к любимому и лишиться многих благ материального мира?!

СВО перевернуло жизнь многих людей. А может показала, на что способен каждый...

Евгений ушел на войну, чтобы заработать на её счастье. Светлана узнала о его гибели и вышла замуж за богатого друга, чтобы не быть одной и пыталась построить счастье заново. А он вернулся, и потребовал «своё». Но сможет ли солдат конкурировать с миллионером за сердце женщины, которая уже сделала свой выбор в пользу комфорта?

Можно ли пойти на убийство, чтобы сохранить семью?

Эта драма ответит на этот вопрос.

Тира Видаль

Понять и простить

Магистраль уходила вперёд идеально ровной, серой лентой, рассекающей ночной город надвое. Справа и слева мелькали одинокие огни засыпающих многоэтажек, похожие на рассыпанные кем-то драгоценные камни, угодившие в придорожную пыль. Солнце уже скрылось за горизонтом, а с ним ушли, и дневная жара, и густое душное марево. Дождь так и не пролился, хотя днём грозовые тучи, то и дело скрывали небесную лазурь.

Громкие ворчливые голоса ворон прорезали сонную тишину, гулким эхом отражаясь в ночном воздухе, но их обладатели так и не показались в сизых сумерках, сливаясь с чернотой ночного неба. Лишь зловещие размытые тени скользили над темными силуэтами берез, возвышавшихся по краям магистрали, и растворялись в густеющем мраке.

Один раз дорогу перед самой машиной перебежала дворняга, горбатая и худая, с обвисшим хвостом и заплетающимися лапами, чудом ускользнув от мчавшейся на большой скорости машины. Другой раз из кустов неровной шатающейся походкой выступил местный житель. Он едва успел затормозить на обочине, провожая мутным взглядом вечно-го пьянчужки автомобиль, даже не попытавшийся сбавить скорость. Бомж испуганно икнул, пробормотал что-то нечле-

нораздельное, ноги его подломились и он свалился тут же, у самой дороги, даже не пытаясь подняться.

В салоне «Бентли», пахнущем дорогой кожей и букетом белых роз, устало молчали двое. Она — в лёгком белоснежном, расшитом бисером и стразами свадебном платье, уже сбросившая фату на заднее сиденье, где та и осталась лежать воздушным облаком, присыпанным лепестками, и он — в расстёгнутом пиджаке в мелкую, едва заметную полоску, с ослабленным галстуком...

Здесь царил свой, особенный мир — мир абсолютной тишины и сдерживаемого напряжения, вкупе с залихватской бравадой новоявленного мужа, наконец-то вырвавшегося на свободу из крепких рук друзей, родителей и многочисленной родни.

Окна машины были открыты, и ветер нещадно трепал его волосы, но ему это доставляло истинное удовольствие — он поднимал голову вверх, подставляя лицо порывам ветра и ловя носом запахи ночи.

Парень крепко сжимал руль обеими руками. Широкий, обтянутый мягчайшей кожей обод лежал в его ладонях с той уверенной небрежностью, какая бывает только у тех, кто чувствует себя удовлетворенным жизнью и получившим то, о чём мечтал долгие годы. Он чувствовал себя победителем. Тем, кто привык получать то, что ему хочется.

И все же, на его лице, то и дело, мелькала тень сомнения и

тревоги, как если бы он обманом завладел тем, что принадлежит другому.

Всего каких-нибудь полчаса назад, молодожены сбежали из душного ресторана, от громких тостов и назойливых вспышек фотокамер, от напускной фальшивой радости и бесконечной вереницы дарителей, выстроившихся в длинную очередь, дабы вручить обязательный, баснословно ценный подарок или пухлый конверт, набитый валютой, чтобы просто побыть наедине.

Пусть подарки принимает его отец — местный олигарх, занимающий ответственный пост в городской администрации и владелец крупного и единственного в регионе завода по производству эмалей для автомобилей, а мать, занимается подсчетом прибыли и благодарственными ответными записками тем, кто «особо отличился», чтобы потом сообщить мужу с кем стоит вести дела, а кто больше не достоин его внимания.

Свет от приборной панели зеленоватым неоном очерчивал скулы молодого человека, падал на руки и играл в складках белой рубашки. Он не смотрел на дорогу — он ощущал её. Как человек, знавший себе цену, свободный и уверенный, плевавший на людское мнение и презревший окружение.

Машина скользила по асфальту бесшумно, будто не касаясь его шинами, а плывя над ним на невидимой подушке. Звук двигателя не прорывался внутрь резким ревом, а лишь

угадывался где-то глубоко под капотом как ровное, бархатное урчание дикого зверя, который дремлет, но готов сорваться в любую секунду. Стрелка спидометра замирала на отметках, где цифры начинали терять реальный смысл, превращаясь в игру, но внутри салона это ощущалось лишь как легкое, едва заметное давление в груди.

Рядом, на пассажирском сиденье, томно откинувшись на спинку, сидела его спутница. Её волосы, цвета спелого колоса, разметались по шоколадной обивке подголовника, контрастируя с теплотой перфорированной кожи, пахнувшей дорогим парфюмом. Она смотрела не вперед, а вбок — на огни, которые превратились в сплошные светящиеся линии из-за скорости. В её взгляде читалась полная отрешенность, смешанная с какой-то неуловимой грустью. Она просто позволяла себе быть здесь, чувствовать, как мощь этого двухтонного снаряда покорна воле человека слева от неё.

Антон Горнов потянулся к радиоле и покрутил ручку настраиваясь на волну джаза и повернулся к жене, как бы спрашивая её согласия на неприхотливую музыку, но она лишь равнодушно пожала плечами, даже не удостоив его взгляда, чем вызвала легкое раздражение. Но он лишь чуть заметно прищурил глаза и сделал музыку громче.

«Все думает об этом кретине», – сердито заключил он.

Так он имел обыкновение именовать про себя бывшего ухажера Светланы - Женьку Старикова, убитого в первый год СВО. Этот чудик вызвался добровольцем, хотя имел льготу

и все шансы спокойно отсидеться дома и отвести в ЗАГС Светку Никитину, школьную любовь, но решил подзаработать на свадьбу.

— Дурак и нищеврод. — в который раз, про себя, окрестил его Горнов. — Вот тебе, и ни денег, и ни семьи, и ни жизни! Ну мне-то от этого только лучше. Его бывшая невестушка скоро о нём забудет. Родит мне пацана и девчонку, станет солидной дамой (этому я её научу), и будет представлять нашу семью перед многочисленными партнерами и выгодными клиентами при заключении сделок. Такое сейчас время — спонсоры и инвесторы охотнее сотрудничают с теми, у кого «надежные тылы» - это лишняя гарантия порядочности и сговорчивости.

Желая показать себя хозяином положения, он врубил громкость на самую мощь, вдавил в пол педаль газа до самого предела, и украдкой бросил взгляд на жену — она не отреагировала, словно происходящее ничуть её не заботило. Антон поджал губы и сосредоточенно уставился вдаль.

«Конечно, она всё ещё думает о нём! Проклятый ублюдок! — заноза зависти кольнула сердце. — Что ж, Женька – погиб! Погиб самым героическим образом, а он, Антон Горнов, женился на девушке, которую всегда желал получить в жены. Каждому своё!»

Все трое учились в одном классе, до тех пор, пока дела отца Антона неожиданно не пошли в гору. Несколько удач-

ных вложений помогли Горнову-старшему начать бизнес по перепродаже автомобильных деталей на иномарки, а выгодные знакомства привели к сделкам, открывшим ему путь к настоящему бизнесу. Горновы - разбогатевшие нувориши - перевели сына в частную школу, но дружба между подростками не прекратилась, напротив, Антон, Женя и Светлана продолжали тайно встречаться по вечерам и проводить выходные вместе.

Но, Никитина и Смирнов сидели за одной партой, вместе ходили в школу и возвращались домой, делали уроки и встречались всякий раз, когда им этого хотелось. От этого дружба между юношей и девушкой только крепла. Антону же оставалось только злиться и ревновать, однако, ему удалось скрывать свои чувства от друзей. К тому же, он ничего не мог поделать — отец пророчил сыну другие знакомства и занятия. Вся его дальнейшая жизнь была расписана едва ли не по месяцам, а будущее предопределено. И всё-равно, парень надеялся переманить девушку от нищего ухажера, когда они станут совершеннолетними.

Антон был согласен с отцом во всем, что касалось дел, но наотрез отказался сочетаться браком с претенденткой, выбранной его родителями. Девица оказалась наглой и эгоистичной, полной противоположностью Светлане — мягкой, покладистой и не такой развязной. И Антон в тайне от предков продолжил проводить время в компании старых друзей, стараясь, чтобы Светлана не начала его забывать.

Несмотря на симпатию к Женьке, девушка тоже была к нему привязана; да и как могло быть иначе, если друг был готов исполнить любое её желание, да вдобавок имел на это деньги!

Антон дарил своей зазнобе дорогие безделушки, украшения и даже новомодные, современные гаджеты. Она принимала их со скромной благодарностью, но продолжала оставаться наречённой Старикова. А как только ей исполнилось восемнадцать, она сообщила на вечеринке, в честь своего дня рождения, что приняла предложение Евгения стать его женой.

Именинница, потянула Антона за руку, и они, лавируя меж танцующих подружек и бывших одноклассников, вышли на балкон, прикрыв дверь. Звук грохочущей музыки стал приглушенней, обстановка оказалась непринужденной, вечер был теплый, и обратив взгляды к звездному небу, друзья наслаждались тишиной и свежестью летней ночи. Антон, глядел на свою любимую с той нежной страстью и трепетностью, какая бывает присуща только первой юношеской влюбленности, смотрел на профиль Светланы, спускаясь к губам, подбородку, и ниже, к ещё не оформившейся груди, вздымающейся под легкой полупрозрачной кофточкой. Он нежно взял её за руку, повернул к себе, и его губы потянулись к её губам... но девушка вдруг резко отстранилась и опустив глаза тихо произнесла:

- Прости. Мы с Женькой подали заявление в ЗАГС...

Антон тогда опешил, растерялся, застыл от шока. Как?! Она выбрала не его с большими перспективами, а никому не известного, без особых заслуг и званий, простого парня из семьи рабочих?!

- Как вы собираетесь жить? - пролепетал он, пораженный до глубины души этими словами. — Где возьмете деньги на свадьбу? Где будете жить?

- Он записался добровольцем на СВО. — улыбнулась Светлана, не понимая до конца значения этих слов. — Там обещали заплатить неплохие деньги. Всего год, и у нас будут средства на жизнь.

Антон усмехнулся, понимая, что эта авантюра может плохо закончиться для его приятеля, и уже тогда решил действовать более решительно. Он с некоторым самодовольством подумал о подарке, что приготовил ей на совершеннолетие и только ждал подходящего случая, чтобы его вручить. Неожидаемое заявление подруги, застало его врасплох, но он не стал строить из себя обиженного подростка, а достал маленькую бархатную коробочку и вручил её девушке с самым невинным видом.

- Не спеши отказываться. — заявил он скромно. — Этот подарок лишь признание в моих искренних чувствах к подруге. И если так случится, что ты станешь Стариковой, просто будешь вспоминать обо мне, хоть иногда. Я же не перестану быть рядом, когда тебе будет нужна помощь.

Девушка, польщенная вниманием, с пунцовыми от волне-

ния и предвкушения чуда щеками, открыла футляр и ахнула, глядя на подвеску с бриллиантом. Камень, замечательный не столько своими размерами, сколько изумительным и редким оттенком насыщенного бирюзового цвета, переливался в свете луны таинственным мерцающим светом.

И как описать взгляд, которым она одарила своего поклонника тогда?! Где дело касается бриллиантов, все женщины одинаковы. Этот взгляд подарил надежду. Всё, что определяет материальное благополучие и статус, и женщины, и девушки, в большинстве своем отдают большее предпочтение обеспеченности, чем даже самой сильной, честной, чистой и бескорыстной любви.

Насущная потребность держаться обеими руками за руль, чтобы не вылететь из машины или не попасть в ДТП, вернула Антона Горнова к действительности. С вполне понятным раздражением человека, который в столь молодом возрасте уже являлся представителем городской элиты и достаточно большого состояния, он подумал о том, что было бы глупо лишиться жизни таким нелепым способом, тем более тогда, когда добился всего, чего желал.

Чтобы возвысить себя в глазах спутницы и показать ей превосходство жизни с ним, он с апломбом и вызовом в который раз воскликнул:

– Боже милосердный, что за машина! Что за дорога! И в этом, надо сказать, есть заслуга и нашей семьи — многие ре-

шения по благоустройству города продвигаются и исполняются под руководством отца! Его слово, во многих вопросах является приоритетным! Ты ещё не поняла, как изменится твоя жизнь! Уже через пару дней, я буду вводить тебя в дела нашей семьи... если, конечно, ты не подаришь мне детей. Тогда, тебе вообще не надо будет заботиться о будущем, твоей задачей станет воспитание наследников и ведение домашних дел. Конечно, у тебя будут помощники — няни, домработники и повара. Но за всем этим нужен будет глаз да глаз.

Он повернулся к жене, и хотя она никак не высказала своего мнения, щеки её порозовели, а голубая жилка на виске запульсировала быстрее.

«Ничего. Привыкнешь! — подумал он. — И уже скоро забудешь о том, что мечтала построить отношения с героем, способным лишь едва свести концы с концами.»

Покатавшись ещё немного по городу, Антон направил автомобиль к загородному коттеджу и подав руку Светлане, повел её в новое жилище.

Глаза девушки расширились от удивления и восхищения, такого великолепия она не ожидала. Хотя подростками они дружили, ей никогда не приходилось бывать дома у Горновых, и теперь она во все глаза смотрела вокруг, и ей казалось, что она попала в сказку.

Фасад, сложенный из грубого серого камня, прорезали гигантские панорамные окна, в которых сейчас отражалось оранжевое свечение полной луны. Стекло было настолько

чистым, что казалось, будто у дома нет стен, и холодный воздух соснового бора, окружающего всю эту красоту, вот-вот ворвется внутрь и задует свечи на стеклянном узорчатом столе, приготовленном для отдыха перед брачной ночью.

Антон подал ей руку. Его ладонь была сухой и твердой. Она ступила на дорожку из плитняка, и под её туфельками захрустела белая мраморная крошка — слишком дорогая, чтобы просто лежать под ногами.

Внутри молодую жену встретил неповторимый запах процветания, высокого социального положения и идеального вкуса — ни дома, ни дерева, ни пирогов, как в её детстве. Здесь пахло дорогим парфюмом и озоном, как после грозы — это работала система климат-контроля. Светлана вошла в холл высотой в два этажа, и её дыхание перехватило. Слева от входа гостиная уходила в бесконечность: белый ковер с длинным ворсом, похожий на пушистое облако, диваны изумрудного оттенка с бархатной обивкой, которая переливалась в полумраке, и камин... Но не деревенский, а будто вытесанный из цельного куска черного базальта. Огонь в нём не пылал, а лизал стеклянные стенки оранжевыми языками, создавая иллюзию пламени в кристалле.

Она посмотрела на потолок. Там, вместо люстры, висела инсталляция из сотен тонких медных трубок, на концах которых дрожали крошечные лампочки, напоминая звездный дождь, застывший в полете.

Антон повел её по мраморной лестнице вверх, и душа де-

вушки затрепетала.

— Проходи, — его голос отразился от стен, и эхо потерялось где-то в многочисленных коридорах. — Это наша спальня.

Она остановилась на пороге. Комната была чудовищно огромной. Взгляд заскользил по стенам, натываясь на узорные стенные полки с книгами, на огромное трюмо с резными створками, на кровать, словно из старинной репродукции, копирующей царское ложе.

Панорамное окно, выходящее прямо на живописный дворик, приковало к себе внимание девушки. Прозрачное, почти невидимое стекло, заменившее стену немного покорибило и заставило сердце замереть. Светлане показалось, что она стоит на самом краю пропасти, без опоры и защиты, а внизу — пустота, сделай она ещё хоть один шаг — тут же потеряет равновесие и рухнет вниз. Огромная луна, висевшая в небе прямо над головой привела её в ещё большее замешательство — казалось протяни руку и коснёшься её холодного диска... Ночное светило хитро подмигнуло гостье и скрылось за тучей. Девушка поёжилась, Её накрыло легкое головокружение, и она отвела взгляд, стараясь выкинуть из головы странное видение.

Теперь Светлана чувствовала под ногами бархат «теплого пола», но ей почему-то было зябко. Шелк балдахина, мягкий, как вода, струился от дуновения кондиционера, но в этом постоянном, механическом движении не было жизни.

Она прошлась по комнате, провела пальцем по стене. Мрамор был холодным, идеально гладким. Девушка вспомнила свою комнату в родительском доме, где обои отклеивались от сырости, а линолеум прохудился прямо посередине комнаты, и вдруг остро, до боли в груди, захотела увидеть эту неровную полоску скотча на стене, которая крепила постеры популярных мультиков, заменяющих ковер гостиной, обшарпанный пол, выцветшие занавески на кухне, и уют, тот самый, настоящий, где царят мир и любовь всех членов семьи.

Здесь же всё было выверено до миллиметра: лампы утоплены в плоскости, розетки скрыты за панелями, шторы опускались по команде электронного запроса «Алисы». Это был дом-робот. Совершенный, стерильный и абсолютно чужой.

Светлане захотелось заплакать. Только теперь она поняла, как любила убитого на СВО Женьку — простого, бесхитростного, но такого родного парня — без показухи и напускного апломба, способного на простое человеческое сочувствие и утешение. А что ждёт её здесь, среди чужих ей людей? Только теперь она поняла, какая пропасть лежит между ней и семьёй Горновых. И от этого осознания стало жутко, муторно на душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.